

Г. А. Тирацян

АРМЯНСКАЯ ТИАРА:
ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Армянская тиара — царский парадный головной убор Тиграна II (95—55 гг. до н. э.), Артавазда II (55—35 гг. до н. э.) и других представителей армянской династии Арташесидов (II—I вв. до н. э.), хорошо знакомый по их монетам¹, резным камням², возможно, даже рельефам³, засвидетельствован также на монетах, рельефах, статуях соседних с Арменией коммагенских царей Антиоха I (69—34 гг. до н. э.) и, в меньшей мере, Митридата I (99—70 гг. до н. э.)⁴ (рис. 1 и 2).

Армянская тиара имеет вид усеченного конуса или цилиндра, верх которого украшен пятью, реже четырьмя зубцами, а низ — свисающим затылочным покрывалом (назатыльником) и боковыми лентами (наушниками)⁵. Форма тиары, распространившаяся на эллинистическом Востоке главным образом в I в. до н. э. благодаря и монетам, и будучи, по-видимому, органической, неотъемлемой частью ближневосточного репертуара образов (форм материальной культуры и искусства), приводит на память древневосточные примеры (Ассирия, хетты, Урарту)⁶.

¹ Наиболее полное издание монет арташесидских царей см. *Bedoukian P. Coinage of the Artaxiads of Armenia*. L., 1978.

² Гемма с изображением армянской царицы из собрания конгрегации венецианских мхитаристов. Изображенная на ней высокая тиара подчеркнута конической формы не имеет затылочного покрывала и боковых лент, украшена узорами в виде звезд и четырьмя зубцами сверху. См. *Ацунц В.* История древнеармянской одежды. Венеция, 1923 (на арм. яз.), рис. 34. Бронзовый перстень из Фанагории, на его шитке вырезана мужская голова, на которой тиара с четырьмя зубцами. См. *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории. — МИА, № 57, 1956, с. 121, рис. 4, 16 а.

³ На северо-западе Ирака, в Бавиане, имеется плохо сохранившийся рельеф с изображением всадника. Анализ изображения привел Н. Дибвойза, перенздавшего рельеф, к заключению, что на нем представлен армянский царь Тигран II, который изготовил рельеф в честь отвоевания пограничных долин, захваченных в начале его правления Митридатом II — царем Парфии. См. *Debevoise N. C.* The Rock Reliefs of Ancient Iran. — JNES, v. I, № 1, 1942, fig. 5, p. 94—96. Хотя тиара всадника действительно напоминает тиграновские образцы, ряд отличий в изображении всадника не позволяет полностью разделить мнение автора.

⁴ *Humann C., Puchstein O.* Reisen in Nordsyrien und Kleinasien. B., 1890, Taf. XXXVI, 2; XXXVIII, 2; XXXIX, 1, 2; *Dörner F. K., Goell Th.* Arsameia am Nyphaios. B., 1963, Taf. 48, 49 А. Подробный список см. *Young John H.* Commagenian Tiaras: Royal and Divine. — AJA, 68, 1964, № 1, p. 31.

⁵ На монетах Артавазда II ленты приподняты и завязаны впереди на тиаре. Такой же способ ношения армянской тиары показан на коммагенских рельефах, изображающих царя Антиоха I.

⁶ *Barnett R. D.* Assyrian Sculpture in the British Museum. Toronto, 1975; *Ward W. H.* The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, p. 208, fig. 622 (бог в зубчатой тиаре); *Bittel K., Voessneck J. et al.* Das hethitische Felsheiligtum Yazilikaya B., 1975; *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту. Л., 1963, рис. 65; *Оганесян К. Л.* Росписи Эребуни. Ереван, 1973.

Не случайно поэтому при поисках ее прототипов была высказана мысль об ее ахеменидском, иранском происхождении⁷, которая подтвердилась типологическим анализом и историческими данными. На эту связь, как нам кажется, убедительно указывают монеты ахеменидских царей⁸, резные камни, главным образом цилиндры⁹, рельефы (Персеполь, Даскилея)¹⁰, золотые изделия из Амударьинского клада¹¹, ткани из Пазырыка¹² (рис. 3—5). На упомянутых памятниках царские особы носят корону¹³, главной отличительной особенностью которой является ее зубчатость. Высота ее могла быть различной (например, высокая корона на персепольских рельефах и низкая корона на дариках, приписывае-

Рис. 1 •

⁷ Тирацян Г. А. Ахеменидские традиции в древней Армении. М., 1960, с. 3 сл.; Schlumberger D. Descendants non-mediterranées de l'art grec.—Syria, 1960, XXXVII, 3—4, p. 277; *idem*. La coiffure du Grand roi.—Syria, 1971, XLVIII, 3—4, p. 382.

⁸ Babelon E. Traité des monnaies grecs et romains. V. II. P., 1910.

⁹ Menant J. Recherches sur la glyptique orientale. V. II. P., 1886, pl. IX, 2; Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939; Schmidt E. Persepolis. II. Chicago, 1957, tab. 3—4.

¹⁰ Schmidt E. Persepolis. I. Chicago, 1953, tab. 138 B, 141 A. B; *ср.* прекрасные снимки в кн.: Schlumberger Op. cit., fig. 1; Gall H. von Die Kopfbedeckung des persischen Ornats bei den Achämeniden.—Archäologische Mitteilungen aus Iran, N. F., B. 7, 1974, Taf. 33, 1, S. 148; Borchardt I. Epichorische, gräko-persisch beeinflusste Reliefs in Kilikien (Studien zur Kunst an den Satrapenhöfen Kleinasien).—Istanbuler Mitteilungen, B. 18, 1968; по мнению автора, изображенный на ней персонаж в зубчатой короне — царская особа или жрица (S. 198).

¹¹ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, рис. 38.

¹² Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, рис. 190.

¹³ А. Сейриг выдвинул ряд возражений против гипотезы о царском характере зубчатой короны на ахеменидских памятниках. По его мнению, она полностью отличается от иранской царской тиары — китарис — и не встречается ни на одном из точно отождествляемых изображений персидских царей (Seyrig H. Antiquités syriennes, 70. Divinités de Sidon.—Syria, 1959, XXXVI, 3—4, p. 54). Возражения Сейрига, по-видимому, не до конца убедительны, как это показал Д. Шлюмберже, настаивавший на царской природе рассматриваемых изображений и на царской принадлежности зубчатых корон, которые он отождествлял с прямой тиарой и с китарисом греческих источников (Аристофан, Ксенофонт); *см.* Schlumberger. La coiffure..., p. 375, 377 etc. Безусловно царской считают ахеменидскую зубчатую корону теперь и другие исследователи (Gall von. Op. cit., S. 145—161; Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive, IV. Persönliche Krone und Diadem.—Archäologische Mitteilungen aus Iran, N. F., B. 9, 1976, S. 51 f.). Вопросы о древнеперсидской одежде и головном уборе не до конца выяснены, как это видно по одному из последних исследований на эту тему (Gall von Op. cit). В нашу задачу не входит рассмотрение всех подробностей, связанных с вопросами изучения ахеменидского царского головного убора (время его введения, его разные виды и формы, происхождение прямой тиары, соотношение прямой тиары с китарисом и с зубчатой короной, наличие головного убора для дворцового и полевого обихода (Hof- und Feldtracht), существование для каждого царя своей, отличительной короны (persönliche Krone), как это было принято в сасанидское время и т. д.), хотя дальнейшее углубленное исследование может оказаться интересным и для нашей темы. Но если даже согласиться, что персонажи в зубчатой короне — это мифические существа, так называемые царские герои или просто герои, то и в этом случае их принадлежность к ахеменидскому культурному кругу и тем самым к ахеменидскому времени не подлежит сомнению — обстоятельство, имеющее исключительно большое значение для правильного понимания вопросов генезиса армянской тиары.

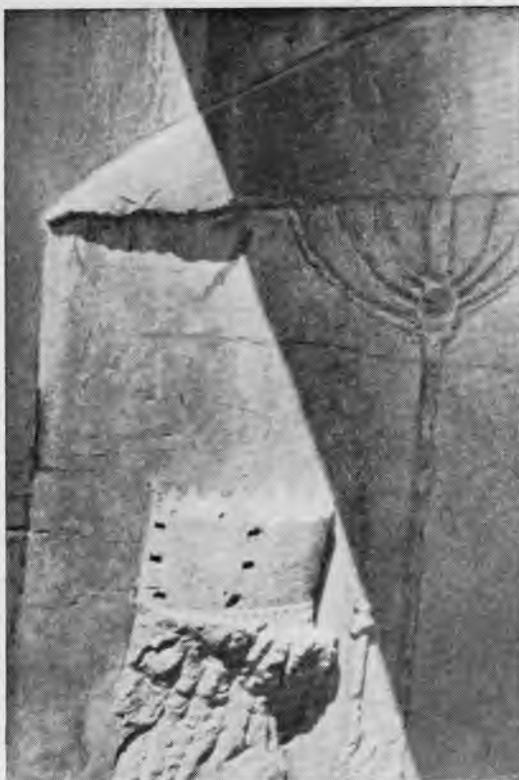

Рис. 4

упоминается в связи с иранским царским головным убором (Хеп., Суг. VIII, 3, 13), тогда как армянская тиара всегда ею повязана. И, наконец, к числу второстепенных различий следует отнести число зубцов тиары. Если для ахеменидских тиар характерны четыре зубца, реже пять (на одной, упомянутой выше, — десять, хотя зубчатость в этом случае оспаривается), то на армянских тиарах, наоборот, обычное число зубцов — пять. Как и следовало ожидать, происхождение упомянутых черт, отличающих армянскую тиару от ахеменидской, частично связано с эллинистической средой, в которой она оформилась; некоторые из них восходят, и это представляется особенно важным, к тому же ахеменидскому времени. К их числу относятся затылочное покрывало и боковые ленты, которыми были снабжены головные уборы ахеменидских сатрапов и вельмож.

Сатрапский головной убор был похож на меховую шапку-ушанку или на распространенный на Востоке башлык (рис. 6). Его полукруглая часть прикрывала верх головы до лба, а от нее свисали еще одна затылочная и две боковые части: последние могли быть застегнуты под подбородком, но часто висели свободно. Этот убор превосходно изображен на монетах ахеменидских сатрапов Малой Азии¹⁷. Эти особенности имеют довольно длинную историю развития в культуре древней Передней Азии, как об этом свидетельствуют датированные II тыс. известный рельеф с изображением бога у Львиных ворот в Богазкее в головном уборе с ярко выраженными

¹⁴ Gall von. Op. cit., S. 150, Anm. 37.

¹⁵ Правда, от корон знатных женщин на пазырыкских переднеазиатских тканях спускается ниже пояса длинная фата.

¹⁶ Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, с. 93, табл. 58.

¹⁷ Babelon E. Les perses achéménides. P., 1893, pl. III, IV; Osten H. H. von der. Die Welt der Perser. Stuttgart, 1956, Taf. 68.

Рис. 5

нащечниками и назатыльником¹⁸ и голова статуи из Мари с завязанными под подбородком широкими наушниками¹⁹.

Не исключена возможность, что армянская тиара в том виде, в котором она изображена на упомянутых выше памятниках с боковыми лентами и затылочным покрывалом, возникла в результате контаминации ахеменидской царской тиары в виде усеченного конуса с появившимся в Армении по крайней мере с V в. до н. э. ахеменидским сатрапским башлыком²⁰, вернее его назатыльником и наушниками, чему можно найти конкретное историческое объяснение.

Известно, что сатрап Армении Оронт (336—330 гг. до н. э.) из одноименного рода правителей Армении, участник Гавгамельской битвы, после разгрома персидской армии Александром Македонским, захвата главных городов — столиц империи, и, наконец, после смерти Дария Кодомана, последнего царя Ахеменидской державы, провозгласил себя царем Армении (330/329—300 гг. до н. э.)²¹. По примеру своего одноименного

¹⁸ Bossert H. *Altanatolien*. В., 1942, Taf. 100, 101.

¹⁹ Parrot A. *Sumer*. P., 1960, fig. 336.

²⁰ Таким же образом мог возникнуть и парфянский царский головной убор — кулох: путем слияния сатрапского башлыка с мидийским головным убором, засвидетельствованным на персепольских рельефах в ряде случаев также с подвязанными под подбородком наушниками (*Osten von der*. Op. cit., S. 111).

²¹ «Еруанд, сын женщины из рода Аршакуни, вступает на престол на восьмом году царствования последнего Дареха», — сообщает Мовсес Хоренаци (История Армении, II, 37). Речь идет об Оронте, правителе Армении второй половины IV в. до н. э., а последний Дарех — это последний ахеменидский царь Дарий Кодоман (*Тиранья Г. А.* Еруандиды в Армении. — Известия АН АрмССР, 1958, № 6 (на арм. яз.), с. 66).

отца или деда ²², сатрапа Армении на рубеже V—IV вв. до н. э. (рис. 7), он, вероятно, также носил сатрапский головной убор ²³. Став царем и будучи по материнской линии в родственных связях с Ахеменидами (Родогуна, дочь Артаксеркса II, была его матерью или бабушкой), Оронт, естественно, мог надеть ахеменидскую царскую тиару, в результате чего тиара и башлык слились в один головной убор тиграновского типа, который наряду с зубчатой тиарой сохранил прикрепленные к ней боковые ленты и затылочное покрывало, идущие от башлыка, верхняя часть которого была упразднена. Важно отметить, что в этом отношении имеется интересный прецедент. После убийства Дария — рассказывает Арриан — к Александру пришли какие-то персы, которые сообщили, что сатрап Бактрии Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом и говорит, что он царь Азии (Ехр. Alex., III, 25, 3).

К сожалению, среди рельефов с изображениями предков по отцовской линии Антиоха I Коммагенского, выставленных на западной и восточной террасах Немруд-Дагского святилища, не сохранились плиты с изображениями интересующих нас правителей Армении Оронта II — сатрапа и Оронта III — сатрапа и царя.

Однако, проведенная сравнительно недавно работа по изучению коммагенского головного убора ²⁴ позволяет в некоторой степени разобраться в этом вопросе. Согласно упомянутой классификации, различаются четыре вида тиар: 1) армянская тиара, которую носил сам Антиох I Коммагенский; 2) персидская тиара с утолщенным и наклоненным вперед верхом, которую носили ранние предки Антиоха I, по крайней мере первые пять (Дарий, Ксеркс (?), предок, имя которого не сохранилось, ранний Ароанд и Артасура); 3) остроконечная тиара, которую носили непосредственные предки Антиоха I вплоть до седьмого, по нумерации Хумана и Пухштайна: Митридат, Самес, Армаш и Самес (изображения двух последних не сохранились), сын интересующего нас Ароанда (сатрапа и царя), имя которого сохранилось только частично (...данес); 4) сатрапская тиара, похожая на персидскую, но без выдающегося вперед верха, представленная на фрагментах двух рельефов. Очень заманчиво отождествить эти неопубликованные рельефы с двумя — шестым (Оронт II) и седьмым (Оронт III) предками Антиоха ²⁵.

Остается открытым вопрос, насколько достоверно рельефы Немруд-Дага, ретроспективно изображающие хронологически отдаленных предков Антиоха, передают предметы их одеяния. Однако разнообразие их форм, в частности головного убора, логичная закономерность их развития, а также аналогичные изображения (главным образом на монетах) заставляют отнести к этим рельефам с большим вниманием. В какой бы тиаре ни был изображен Оронт III на коммагенских рельефах — в остроконечной (его непосредственного преемника и сына) или же персидской (его предшественника и деда, где головные уборы изображены, кстати, с наушниками и назатыльником), вопрос о слиянии этой тиары с царской зубчатой короной, которую он мог на себя возложить, воцарившись в 330—329 гг., также остается открытым.

Тот факт, что на коммагенских рельефах предки Антиоха I, в том числе Оронт и его преемники, изображены не в зубчатой тиаре, можно объяс-

²² Roubier J., Babelon J. Das Menschenbild auf Münzen und Medaillen von der Antike bis zur Renaissance. Lpz, 1966, Taf. 12.

²³ Такой же мягкий, по-видимому, войлочный головной убор, верх которого образован тремя выпуклостями, с завязанными сзади наушниками, носили изображенные на персепольских рельефах знатные армяне, преподносящие дары царю царей (Schmidt. Persepolis, I, tab. 29 B — первая половина V в. до н. э.).

²⁴ Young. Op. cit., tab. II.

²⁵ По недоразумению Янг отождествляет Оронта с отождествленным на рельефе пятым предком, носящим персидскую тиару (Young. Op. cit., p. 30, not. 21), хотя по сохранившейся на плите надписи известно, что с одной ее стороны изображен Артасура, сын Оронта, а с другой — отец одноименного правителя.

нить тем, что имелось несколько видов головного убора, каждый из которых надевали в определенных случаях. К тому же более близкие предки Антиоха I представляли собой особую ветвь Оронтидов со своими традициями и отличительными чертами, как это видно по изображениям западнооронтидских царей Армаша и Ксеркса на монетах. В Коммагене, наконец, как и в других соседних с Арменией странах, входящих так или иначе в сферу влияния Армянского государства, армянская тиара могла появиться при Антиохе I непосредственно благодаря политическому и культурному воздействию соседней Армении. Став при Оронте III (330—300 гг. до н. э.) царским головным убором армянских Оронтидов и указывая на генетическую связь с Ахеменидами, армянская тиара могла передаваться в дальнейшем представителям последующей династии Арташесидов. Однако не исключено также, что зубчатая тиара Ахеменидов была заимствована в Армении непосредственно самим Арташесом I (189—160 гг. до н. э.), основателем новой династии и известного, если можно так выразиться, своим подчеркнутым «ахеменидизмом», который нашел свое выражение в возврате к арамейскому языку как к официальному государственному языку царской канцелярии и проявился в попытках доказать свое происхождение от Оронтидов, бесспорно состоявших в родственных отношениях с ахеменидским царским домом²⁶. Армянская тиара, восходящая по своим общим очертаниям к ахеменидскому прообразу, как нельзя лучше должна была декларировать легитимистские претензии основателя нового царского дома²⁷.

Но поскольку самые ранние образы армянской тиары документально засвидетельствованы на памятниках с изображениями Тиграна II, царя Армении (95—55 гг. до н. э.), и Антиоха I, царя Коммагены (69—34 гг. до н. э.)²⁸, приведенные выше соображения, связанные с армянскими царями Оронтом III и Арташесом I, возводившими свою генеалогию к некогда самым могущественным правителям самого значительного государства древней Передней Азии, могут все же, несмотря на это, в определенной степени оказаться предположительными.

Если даже со временем выяснится, что появление и оформление армянской тиары относится именно к I в. до н. э. и было делом рук самого Тиграна II, проводившего, кстати, великодержавную политику и в определенном смысле также ссылавшегося на Ахеменидов, как на своих политических предков (усвоение от парфян ахеменидской титулатуры «царь царей», сохранение родового имени Оронтид, имевшего, как мы уже видели, отношение к ахеменидскому царскому дому), то это не снимет предположения об ахеменидских истоках армянской тиары.

²⁶ Это стремление возвести свою генеалогию к Ахеменидам наблюдается повсеместно у эллинистических правителей Передней Азии, усматривавших в этом легализацию своей власти.

²⁷ Зубцы Арташесовых межевых камней — стел, олицетворяющие, возможно, символ царской власти, от которой исходили начертанные на них арамейские надписи, напоминают зубцы царской короны и могут служить дополнительным доказательством в пользу существования такой короны при Арташесе I.

²⁸ Как будто имеется возможность несколько удревнить эту дату, приняв во внимание более ранние памятники. Речь идет о найденном недавно в Арсамее на Нимфее рельефе с изображением коммагенского царя Митридата I Каллиника (99—70 гг. до н. э.) (*Dörner, Goell. Op. cit., Taf. 48*) и об армянской монете, приписываемой Тиграну I (123—96 гг. до н. э.), предшественнику Тиграна II (*Seyrig H. Trésor monétaire de Nisibe. — Revue numismatique, 1955, pl. I, A (Tigran l' Ancien); Bedoukian. Op. cit., tab. 1, 3—6*). Однако эти атрибуции не считаются доказанными; см. *Young. Op. cit., p. 34; Petzl G. Rez.: Waldmann H. Die kommagenischen Kulturreformen unter König Mithridates Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I. Leiden, 1973. — Gnomon, 1976, 48, 4.*

THE ARMENIAN TIARA:
A HISTORICO-CULTURAL INTERPRETATION

G. A. Tiratsyan

The Armenian tiara, the head gear of the kings of Armenia and Commagene, may be seen in representations of those kings from the 1st century B. C. Typological analysis and historical evidence point to its Iranian origin. The Armenian version resulted from a synthesis of the crowns worn by the Achaemenid kings and satraps. This probably took place in the second half of the 4th century B. C. after the downfall of the Achaemenid empire, when the satrap Orontes became king. It is not impossible that this tiara was adopted by the Armenian king Artaxias I (189—160 B. C.), the founder of the new dynasty, in his eagerness to legitimise his royal power by adapting to his own purposes the traditional Achaemenid head gear. Even if in the end it is proved that the Armenian tiara was first worn by Tigranes II (95—55 B. C.) who also, one way or another, let it be known that he was political heir to the Achaemenids, the hypothesis as to the derivation of the Armenian tiara from the Achaemenian still holds: the tiara was now to express the political programme of the Armenian king.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ